

АЛИСА ЛУНИНА

АГЕНТСТВО
ЧУДЕС

ОСТОРОЖНО,
МЕНЯЕМ
СУДЬБЫ!

Агентство чудес

Алиса Лунина

Осторожно, меняем судьбы!

«Алиса Лунина»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лунина А.

Осторожно, меняем судьбы! / А. Лунина — «Алиса Лунина»,
2018 — (Агентство чудес)

ISBN 978-5-04-094150-6

Новая серия остросюжетных романов Алисы Луниной «Агентство чудес». В серию входят книги: «Осторожно, меняем судьбы!», «В центре циклона», «Смерть и дева». Роман первый «Осторожно, меняем судьбы!» Талантливый писатель Егор, сумеречная красавица - психолог Ая, сумасбродная танцовщица из «шоу толстушек» Тина, обладающий странными способностями, подросток Кирилл, гениальный химик Варвара, заядлый картежник Семен, беззаботный дауншифтер Данила и отставной военный Иван, при весьма необычных обстоятельствах получают от некоего таинственного миллионера предложение стать сотрудниками первого в мире агентства чудес «Четверг» и поработать «волшебниками» – переписывать людские судьбы, и менять их к лучшему.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094150-6

© Лунина А., 2018
© Алиса Лунина, 2018

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Ая	8
Варвара	11
Иван	13
Семен	15
Данила	16
Глава 2	18
Егор	20
Тина	23
Ая	28
Глава 3	29
Егор	32
Варвара	35
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Алиса Лунина

Осторожно, меняем судьбы!

© Лунина А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Часть 1

На краю отчаяния

Глава 1

Егор

Егор Осипов брел по парку, расцвеченному октябрём в золотые и багряные тона; недавно прошел дождь, в лужах плавали листья. Осень в Москве уже начинала отцветать, и небо пересекали караваны улетающих птиц.

На душе Егора было тоскливо. Особенная горечь палой листвы, пустые парковые аллеи, ощущение скорых холодов, события сегодняшнего дня лишь усиливали его печаль. Егор возвращался из редакции журнала, где ему отказали в публикации его романа «Час волка». Сегодняшнее вежливое «нет» («не наша тема, другой формат, извините») стало последней точкой в череде отказов, полученных Егором за последние три месяца. Роман, которому писатель Осипов отдал два года напряженной – на пределе сил – работы, отвергли все издательства. Два года предельного напряжения внутренних сил, и вот сегодня все закончилось.

Прийти к выводу, что ты неудачник, несостоявшийся писатель и полное ничтожество, – не самое приятное открытие для тридцатичетырехлетнего мужчины, не лишённого некоторых амбиций. Но, увы, ничего иного сказать о себе писатель Осипов не мог. Со стороны он и впрямь выглядел законченным неудачником.

...Несколько лет назад преуспевающего юриста солидной юридической конторы Егора Осипова вдруг одолел недуг – болезненная страсть к сочинительству. Егор стал писать рассказы, и скоро некоторые из них опубликовали в журнале, сопроводив публикацию хвалебной рецензией. Успех окрылил Егора, и, решив всерьёз заняться творчеством, о чем, собственно, он и мечтал все годы службы в скучной юридической конторе, он поставил на «зеро» крупную ставку. Егор уволился с работы и засел за серьезный, «отменно длинный, длинный», отнимающий все время и силы роман, центральной темой которого стало понятие судьбы, рока, чуда, предопределения в жизни человека.

И вот теперь, спустя два года, роман, который, по мнению автора, должен был перевернуть мир, отвергли все издательства. Сегодня, получив последний отказ, Егор понял, что надеяться не на что. Деньги, отложенные им в прошлой «благополучной жизни», закончились, а лимит оптимизма и веры в себя был исчерпан. У него больше не было надежды – ни капли, ни проблеска. И никаких перспектив... Как говорила его бывшая жена, он остался на «полных бобах».

Ах, да, ведь у него когда-то была жена! Была, правда, потом сбежала... Впрочем, надо признать, что Марина ушла от него не сразу – она продержалась полтора года, в течение которых твердила ему, что он талантлив и скоро добьется успеха, но время шло, и энтузиазм Марины стал гаснуть. В конце концов она не выдержала испытаний даже не медными трубами, а медными деньгами – «извини, любимый, но даже из любви к великой литературе я не готова терпеть такие лишения» – и помахала ему рукой. Егор понимал ее и не винил: Марина была красивой птицей с ярким оперением, и в том, что однажды ей наскучила такая жизнь, нет ничего удивительного (в конце концов, никто не любит неудачников!). Марина ушла и через полгода вышла замуж, предпочтя литературе, творческим метаниям, рефлексии и хроническому безденежью Егора надежный брак с респектабельным функционером из совета директоров солидной газовой компании.

Ветер гнал листья – огненный лисий хвост; на парк опускались темные, беспросветнее не бывает, сумерки. Егор присел на скамейку против пруда, глотнул коньяка из фляжки и вдруг отчетливо понял, что у него больше нет сил. Он поставил все на «зеро» и проиграл. Так бывает. Собственно, в жизни это случается куда чаще, чем «сорвать банк».

Егор подумал, что вот сейчас он придет домой и перво-наперво избавится от романа. Уничтожит его.

...Егор бросил куртку в прихожей, прошел в комнату: ну что, будем жечь? Сжег ведь Гоголь свой роман, а уж он-то, никому не известный писатель Осипов, чай, не Гоголь! Отсутствия его романа мировая литература не заметит. Как, однако, жечь? На дворе двадцать первый век, роман набран в электронном формате и существует исключительно в виде компьютерного файла. Можно, конечно, сначала распечатать текст на принтере, потом взять спички, смотаться обратно в парк и устроить символическое сожжение: подбрасывать листы бумаги в огонь и, распугивая местных пенсионеров и собаководов, рыдать навзрыд, оплакивая погибшие надежды, но... Сколько лишних движений! Что, если поступить проще: одним щелчком волшебной клавиши удалить роман и все-все, что с ним связано, отправить в никуда, в пустоту?!

Егор включил компьютер, открыл файл с романом и замер: романа не было. Вместо объемного текста шестисотстраничного романа в файле было всего несколько абзацев – послание от незнакомца. В этом странном письме некто, обращаясь к Егору по имени, писал, что он прочел роман «Час волка» и нашел занятными иные из рассуждений Егора о судьбе и роке. «Я признаю, что написанный вами роман заслуживает внимания, – писал незнакомец, – однако хотел бы напомнить вам, что на свете есть вещи и поинтереснее сочинения книг. Вместо книг о судьбе я предлагаю вам писать человеческие судьбы». Далее таинственный автор послания предлагал Егору встретиться в означенное время в указанном месте и обещал, что при встрече Егору вернут флешку с его романом, а главное, «сделают предложение, от которого он не сможет отказаться».

Егор перечитал письмо во второй-третий раз, зябко повел плечами: каким образом кто-то проник в его личный компьютер, учитывая, что в квартиру войти никто не мог? Когда он вернулся домой, входная дверь, как обычно, была закрыта на два надежных замка, и, более того, запустить компьютер без пароля, который знал только он, было невозможно. Однако же вот – романа нет, есть только странное письмо. Может, он сошел с ума?!

Не находя ответов на свои вопросы, Егор решил завтра непременно отправиться на встречу с похитителем романа, чтобы разобраться в этой странной истории.

Ая

А в это время в другой части Москвы тридцатилетняя психолог Ая Кайгородская наблюдала за тем, как ее любовник, недавно сообщивший ей о разрыве их отношений, собирает вещи.

Ая пребывала в отчаянии и чувствовала себя сломленной – Стас был ее последним шансом стать «нормальной женщиной» в понимании большинства людей и последней надеждой на то, что она сможет научиться выстраивать отношения с мужчиной, когда-нибудь обзаведется семьей и обретет душевное спокойствие. В течение полутора лет, пока они со Стасом были вместе, Ая старалась забыть о своем прошлом, пыталась стать такой, как все, научиться жить. И вот сегодня все кончилось.

Строго говоря, в Стасе не было ничего особенного – ни особенной силы, ни выдающегося ума, ни исключительных внешних данных, однако на заре их отношений она заставила себя поверить в то, что он незаурядный: сильный, умный, яркий, необыкновенный и – незаменимый. Ей было двадцать восемь, когда они встретились; она устала от одиночества и нуждалась в человеческом тепле. Стас был веселый, человечный, несовершенный, и рядом с ним она хотя бы на время могла забыть о терзавших ее кошмарах. Благодаря ему ей даже стало казаться, что она почти справилась, почти забыла о той трагедии... Но сегодня утром, после того как он сказал, что уходит от нее, она поняла, что избавиться от прошлого не получилось. «Ты никогда не станешь нормальной!» – молоточком выстукивал кто-то злой в ее голове.

Когда Стас уходил, она задала ему лишь один вопрос: «Почему?», мысленно добавив: «Ведь я старалась...» Он опустил глаза: «Так получилось».

И с этой фразой мужчина, с которым она прожила полтора года, ушел из ее жизни. В свою жизнь.

Поняв, что все кончено, она сорвалась с катушек – ее тщательно выстраиваемая в течение долгих лет психологическая защита от внешнего мира, а главное, от самой себя оказалась сломлена. Вечером Ая позвонила в офис компании, где она работала, и сказала, что увольняется. Ни занимаемая ею должность, о которой мечтали многие, ни внушительный размер оклада – ничто не могло ее остановить; надежды, планы на будущее – все потеряло смысл и полетело в мусорную корзину, потому что чуть раньше туда полетела ее жизнь. Простившись с коллегой – теперь уже бывшим, Ая усмехнулась: если бы ее сослуживцы знали, что психолог Кайгородская не может справиться с собственными проблемами, то, пожалуй, уволили бы ее сами.

...Она слонялась по своей большой, слишком большой для одного человека квартире и не находила себе места. В какой-то миг она подумала, что правильнее было бы дать выход скопившейся внутри разрушительной энергии, выплеснуть ее наружу – к примеру, взять и разнести в щепки свое дизайнерски выверенное жилище с дорогой мебелью и техникой. «Бить посуду, музыкальный центр, опрокидывать стулья, вышвырнуть в окно телевизор, крушить все без разбора, ну давай сделай хоть что-нибудь, только не загоняй опять эту лютую тоску внутрь...» Но она не стала крушить мебель, срывать занавески, качаться на люстре и вопить – это не ее стиль. Самое большее, что абсолютный интроверт, женщина, «застегнутая на все пуговицы», Ая Кайгородская могла себе позволить, так это, скорчившись от разрывающей ее изнутри тоски, сидеть в оцепенении час, два, три и смотреть на висевшую на стене в ее гостиной бесконечно, запредельно печальную гравюру Дюрера «Меланхолия».

А потом Ая села писать в дневник.

Разместившись на широком подоконнике (из ее окна открывался дивный вид на осеннюю, пеструю Москву), она открыла в ноутбуке файл со своим электронным дневником и стала выстукивать текст – сигнал бедствия, просьбу о помощи, SOS от тоски и отчаяния. Морзянка, которую никто не услышит.

Уже несколько лет Ая вела электронный дневник, стараясь каждый день набирать несколько страниц текста, фиксируя собственные впечатления, чувства, события дня. Как психолог она знала, что записи такого рода являются своеобразным процессом автокоммуникации и помогают привести голову в порядок (сообщение, посланное самому себе, перекодируется и в силу этого обретает новый смысл); в личном дневнике ей удавалось внутренне проговорить важные, зачастую болезненные вещи, правильно обозначить свои проблемы, точно поставить вопрос и в итоге – ведь верно сформулированный вопрос уже содержит ответ – помочь себе справиться со своими страхами, сомнениями, комплексами. Дневниковые записи обычно помогали ей упорядочить мысли, обуздать эмоции даже в процессе набора текста, однако сегоднешние страницы сложно было назвать упорядоченными: бессвязный поток мыслей, перехлест эмоций – на краю отчаяния так сложно удержаться...

Из дневника Аи Кайгородской

«По сути, все мое настоящее – попытка справиться с прошлым. Бесконечный экзамен на выживание. И сегодня я поняла, что этот экзамен не сдан – психолог Кайгородская, вам двойка!

...Я смотрела, как Стас собирает свои вещи; мужчина, которому я посвятила полтора года, вместе с рубашками, галстуками, пиджаками бросил в раскрытый чемодан мои надежды на то, что и для меня возможно что-то хорошее, и ушел. Все. У меня ничего больше не осталось. Полтора года, пока мы были вместе, я пыталась стать обычной женщиной, но у меня не получилось. Надо найти мужество и признать поражение – я потерпела крах, это конец. У меня больше нет сил, а главное, веры в то, что когда-то моя жизнь изменится. Значит, нет смысла за нее цепляться. Единственное, что меня смущает, так это то, что мое самоубийство, вероятно, объяснят несчастной любовью: мол, ее бросил любовник и после этого она решила немного полетать из окна. Примитивно, пошло, но, скорее всего, люди так и подумают. Вряд ли кому-то придет в голову, что можно покончить с собой не из-за несчастной любви, а из-за невозможности любить. Хотя в моем случае это именно так. Если бы я могла полюбить, пусть даже безответно, без всякой надежды на взаимность, – это было бы прекрасно. Потому что любить – счастье. А вот когда внутри тебя одновременно и выжженная пустыня и невозможный холод – пространство, в котором нет и не может быть любви, – это ад. Я обречена на одиночество и несчастье. Я устала и больше не могу притворяться, что я такая, как все».

Ая перестала печатать – хватит, главное сказано. Она посмотрела на тонкий, отчасти стершийся за годы шрам, рассекающий ее запястье, – воспоминание о прошлой слабости. Что ж... Она снова пришла к тому же финалу, потому что ее отчаянные попытки научиться жить ни к чему не привели. Что выбрать теперь? Выйти из окна, коли судьба так удачно поселила ее на шестнадцатом этаже?

Она поглядела в окно: внизу бурлила равнодушная Москва. Шестнадцать этажей, всего шестнадцать этажей, и выход найден. Ая усмехнулась, представив, как она, а вернее сказать, то, что от нее останется, будет лежать там, на тротуаре. Скорее всего, на ее смерть слетятся охочие до сенсаций падальщики – журналисты – и напишут, что единственная дочь миллионера Бориса Гойсмана выбросилась из окна в центре Москвы; по законам жанра припомнят и кровавые подробности той истории из ее прошлого и сопоставят ее смерть *с той смертью*... Впрочем, не все ли равно? Она уже будет далеко.

Ая распахнула окно. Все произойдет быстро. Так быстро, что ты даже не успеешь заметить. А потом уже ничего не будет.

Тишину пререзал звонок мобильного телефона. Ая отмахнулась: к черту всех, не буду отвечать! Но телефон звонил и звонил. Его назойливые звуки мешали ей сосредоточиться и принять последнее решение. Она взяла айфон в руки (может, предварить собственный полет запуском из окна этого ненужного ей теперь телефона?) и вдруг увидела, что ей пришло смс-сообщение. Успев подумать, что это последнее смс в ее жизни, она машинально прочитала текст, отправленный с незнакомого номера. Некто писал: «Ответь на звонок, Ая! С полетом из окна можно и повременить!» Ая застыла с айфоном в руках, не понимая, откуда отправитель смс мог узнать о ее экстравагантных планах. В следующую секунду телефон снова зазвонил. Вздвогнув, после недолгой паузы она ответила.

– Здравствуй, Ая! – сказал незнакомый мужской голос.

Она окончательно растерялась:

– Кто вы?

– Мы пока не знакомы, – усмехнулся мужчина, – хотя кое-что о тебе я знаю. К примеру, сколько роз было в том букете...

Ая похолодела от ужаса.

– Их было десять, правда, Ая? Тот человек знал о том, что случится, а потому выбрал четное число, как для мертвой, да?

– Но откуда... – беззвучно прошептала Ая. После тех событий прошло двадцать лет, все участники той трагедии мертвы, откуда этот человек знает такие подробности?!

– Хочешь спросить, откуда я знаю? Поверь, я много знаю о тебе такого, чего, возможно, не знаешь и ты сама. Но об этом потом... Всему свое время. Сейчас о другом. Я хочу кое-что тебе предложить.

– Что? – У нее пересохло горло, а в ушах раздавался гулкий стук собственного сердца.

– Не телефонный разговор. Нужно встретиться.

В его глуховатом голосе была властность, сила, уверенность.

– Где встретиться? – переспросила Ая.

Ее загадочный собеседник сказал, что после их разговора ей придет смс с указанием времени и адреса предстоящей встречи, и заверил, что его необычное предложение, несомненно, ее заинтересует.

– А если я откажусь?

– Тогда счастливого полета! Значит, я ошибся в тебе, и ты просто дура.

Он прервал разговор и отключился. Ая закрыла окно, пошла на кухню – глоток холодной воды, выдохнуть и успокоиться. А теперь вспомнить подробности недавнего разговора и понять, что это – чей-то нелепый розыгрыш или организованная провокация? И главное: как объяснить, что этот человек знает о той ночи? Но думай не думай, а рациональных объяснений случившемуся нет. Ая набрала сохранившийся в памяти айфона телефонный номер, с которого ей звонили, однако ее звонок ушел в пустоту. Поискав этот номер в поисковой системе, Ая выяснила, что он не принадлежит ни одному из существующих операторов связи.

А вскоре ей пришло смс-сообщение с указанием места и времени предстоящей встречи.

Варвара

Разные люди – разные судьбы, разные проблемы, и если где-то в центре Москвы в роскошной квартире Ая Кайгородская мучилась от осознания невозможности любить, то в спальном московском районе, в скромной типовой квартирке другая девушка мучилась из-за неразделенной любви.

«И как же ты дошла до такой жизни, Варенька?» – вздохнула Варвара Воеводина. После чего Варенька – умная девушка двадцати девяти лет от роду, химик по образованию и призванию, смешала свои химические знания, разочарования и обиды в смертельную смесь ядовитого порошка, который она собиралась вскоре выпить, так и не найдя ответа на вопрос: а как, собственно, она дошла до «такой жизни». Как дошла? Ну, вот так и дошла, так получилось. В жизни-то по-всякому случается, и если одни страдают от неспособности любить, замерзая в арктическом холоде своей души, как красавица Снежная королева Ая, то у некрасивой умницы Вареньки была другая проблема – она любила. Да как! Навзрыд, самозабвенно, до утраты инстинкта самосохранения, вот так губительно любила Варенька своего Дмитрия. Можно сказать, что любовь к Дмитрию лишила умницу Вареньку – будущее научное светило, без пяти минут кандидата химических наук, всяческого разума.

...Судьба предназначала Вареньке Воеводиной стать химиком. Прадедущка Вари был известным химиком, Варины дед и отец посвятили себя химии, и Варина мама работала лаборантом на кафедре химии. Варваре вообще казалось, что у нее в роду вплоть до Адама с Евой все были химиками. Ну и какой у нее после этого оставался выбор? Особенно если учесть, что вместо сказок на ночь дедушка рассказывал ей истории о каждом элементе из таблицы Менделеева, о том, как его открывали и чем он примечателен.

В школе учителя называли Варю «девочка-край». Все у нее было как-то неровно: по гуманитарным предметам училась плохо, при этом по всем естественно-научным – недюжинные способности (учитель химии так вообще ее боялась, чувствуя, что уступает в знаниях этой странной, угрюмой девочке с желтыми волосами и вытянутым, «лошадиным» лицом). Одноклассники некрасивую, умную Варю прозвали Молекулой, частенько прикалывались над ней: «Слышь, Молекула, а че такое аш два о? А какая формула у спирта?» – и откровенно ее не любили.

Вареньку вообще никто никогда не любил, кроме дедушки-бабушки и родителей-химиков; в нее не влюблялись мальчики, с ней не хотели дружить девочки. Но до поры до времени Вареньку это не очень-то огорчало – ей вполне хватало химии и осознания своей будущей миссии в науке. Варя готовила себя к научной деятельности и запланированным великим открытиям, когда вдруг на ее горизонте совершенно незапланированно появился Дмитрий. И началась новая эра Варенькиной жизни. Тридцатилетний красавец Дмитрий – жгучий брюнет с опасными синими глазами и стильной бородкой – заставил Варю забыть о любимой химии, о тех важных исследованиях в области психофармакологии, которые она проводила, и даже о ее лабораторных мышах.

В тот месяц, что они с Дмитрием прожили вместе, Варя летала от счастья и растворялась в любви, однако вчера ее любовная эйфория и полеты закончились, и последовало жесткое приземление. Ее мягкий, обаятельный Дмитрий неожиданно сделался непривычно жестоким и поставил Варю перед выбором: либо она соглашается на его предложение, либо они расстанутся. Узнав, что возлюбленный предлагает ей стать соучастницей жуткой криминальной аферы, Варя ужаснулась и отказалась. Тогда Дмитрий сказал: «Раз так – мы не вместе», – и бросил Варю.

Еще вчера расцвеченный любовью, многоцветный, огромный мир вдруг съезжился до размеров предательства Дмитрия, до размеров Варенькиных обиды и горя. Варина боль была

такой огромной, что жить с ней не представлялось возможным. Жизнь без Дмитрия была для Вари жизнью с содранной кожей.

И Варенька приняла решение.

Приготовить надежное – надежней не бывает – снотворное для химика Воеводиной не составило труда. Белый порошок – верное избавление от боли – был изготовлен и манил Варю. И вот – до свидания, Варенька! Прощай блестящая научная карьера, прощай вероломный Дмитрий, – Варя Воеводина выпила приготовленное для вечных снов «снотворное».

Комната, предметы, белый свет поплыли у Вареньки перед глазами и исчезли.

...Как ее остывшую, уснувшую «вечным сном» вынесли из комнаты какие-то люди, Варя Воеводина, разумеется, видеть уже не могла.

Пробуждение оказалось неприятным. Очнувшись и застонав, Варя обнаружила себя лежащей на столе с наброшенной на лицо простыней. Ужаснувшись, Варя сдернула простыню и увидела, что она в морге – совершенно голая, с биркой на ноге и в окружении тех, кто уже никогда не проснется. Варя закричала и вдруг увидела идущего к ней человека в белом одеянии.

Некто в белом облачении (то ли ангел, то ли патологоанатом), равнодушно скользнув взглядом по голой Варе, спросил:

– Ну что, очухалась?

Из Вариных глаз покатались нереально крупные слезы.

– Нехорошо, – с укором заметил незнакомец. – Химия – славная наука, принеся человечеству много пользы, а вы, голубушка, использовали свои знания для такого богопротивного дела!

«Я на том свете, – мысленно простонала Варя, – и это начинается „страшный суд“».

Некто в белом халате, словно услышав Варины умозаключения, хмыкнул:

– Да на этом вы свете, на этом, и пока еще есть возможность здесь подзадержаться. Впрочем, решать вам. Либо вы, Варенька (а в школе вас звали Молекулой, не так ли?), остаетесь здесь, в этом милом заведении с биркой на ноге – она вам, право, так идет! – либо отправляетесь со мной на встречу, где вам предложат кое-какую работу.

Голая Варя вскочила со стола – она выбирала жизнь.

Иван

Проснувшись среди ночи, Иван Шевелев взглянул на часы и тяжело застонал: опять четыре утра, будто кто проклял! Погасив свет, он нырнул под одеяло, как в нору, и изо всех сил, собрав волю в кулак, постарался уснуть, однако ничего не вышло.

Вот уже на протяжении года всякую ночь Иван сначала долго не мог заснуть, а позже неизменно просыпался в промежутке с четырех до пяти утра, словно кто-то пробуждал его некой таинственной кнопкой, и дальше уже совсем не спал. Однажды, заметив закономерность «включения кнопки» именно между четырьмя и пятью утра, он заинтересовался этим обстоятельством и, погуглив в интернете, узнал, что это время называют «часом волка». Иван внутренне согласился с таким образным определением; в этом часе, когда, согласно статистике, умирает больше всего людей и совершается больше всего самоубийств, действительно есть что-то волчье, ощерившееся, опасное; как будто в мироздании в это время открывается бездна, засасывающая жизни. «Час волка» лучше проспять, потому что те, кому не спится, оказываются наедине со своим внутренним волком и, бывает, проигрывают битву.

Вот и сегодняшнюю битву Иван проигрывал. «В такое время, будь оно неладно, и впрямь разве что удавиться!» – подумал Иван. Он встал, подошел к окну и закурил, вглядываясь в темноту.

Ночь, полная луна, разливающаяся ядом, и где-то там, в глубине двора, очертания маленькой, детской фигуры. «Он опять пришел», – с тоской вздохнул Иван. «Он» приходил к нему уже два года. Каждую ночь. Иван, здоровый тридцатилетний мужик, боец спецназа, прошедший не одну войну, боялся в жизни только одного – вот этого *полночного гостя*. «Он» – мертвый мальчик из уничтоженной отрядом Ивана деревни в стране на Ближнем Востоке – вновь смотрел на него своими ненавидящими глазами и снова в сотый, тысячный раз повторял сказанные перед смертью слова – последние проклятия своему убийце. Иван знал о наложенном на него проклятии, потому что после смерти мальчика его жизнь словно раскололась, треснула.

Иван задернул шторы: скорей бы утро... Но до утра было еще далеко – на часах только начало пятого.

Ночную тишину взорвал пронзительный дверной звонок. Иван подошел к входной двери, посмотрел в глазок – никого. «Это просто расстроенные нервы», – успокоил себя Иван. В дверь постучали.

– Кто там? – спросил Иван.

Ему ответили детским голосом, тихо, но требовательно:

– Откройте!

Иван вздрогнул – нет, он не испугался бы и роты вооруженных до зубов наемников, пришедших его убивать, или самой inferнальной нежити, но этого гостя он боялся, потому что уже знал, кого увидит, открыв дверь.

Так и оказалось. На пороге стоял мальчик – черноволосый, черноглазый, похожий *на того мальчика...*

– Вам письмо! – Ребенок протянул ему конверт.

Иван смотрел на мальчика как загипнотизированный и не решался взять конверт. Тогда мальчик улыбнулся – Ивану стало жутко, – положил письмо на порог и ушел.

Иван долго держал конверт в руках, наконец раскрыл. Руки задрожали: письмо начиналось со слова, написанного арабской вязью, – проклятия, что бросил ему в лицо умирающий мальчик. Ивана прошиб холодный пот: как найти рациональное объяснение тому, что сейчас произошло, учитывая, что о той истории, случившейся на Востоке, никто, кроме него самого,

не знает?! А может, все это ему только показалось и к нему подбирается – уже подобралось – обычное безумие?

Он заставил себя прочесть странное послание до конца. Некто, обращаясь к нему по имени, предлагал ему встретиться, чтобы «кое-что обсудить»; и далее – место и время встречи. Речь шла о сегодняшнем дне. Иван тяжело вздохнул, мысли в голове путались: «Ну, если это за мной, то я пойду».

Семен

Сегодняшний день у сорокалетнего Семена Чеботарева определенно не задался. Когда домой к Семену приехали парни от криминального авторитета Гиви, Семен с тихой тоской подумал, что это – конец, и дальнейшие события лишь подтвердили его мрачное предположение.

Попеняв Семену на то, что своим недавно открытым бизнесом он перешел дорогу «старшим товарищам», хмурые парни из команды Гиви без всякой галантности запихнули незадачливого «бизнесмена» в машину и повезли за город. Семена привезли в лес потемнее да побезлюднее и закопали его в большую, заранее приготовленную яму так, что на поверхности осталась только его голова. После чего молодчики ушли, предоставив Семену возможность в полной мере оценить отличное чувство юмора их хозяина, решившего, что пристрелить Чеботарева было бы слишком скучно и банально (Гиви всегда тяготел к некой «театральщине» и на беду Семена, вспомнил судьбу Саида из «Белого солнца пустыни»).

Задумка Гиви удалась – театральщина была еще та: ночь, освещенный луной дремучий лес и обезумевший от ужаса человек, оставленный на верную погибель!

Чеботарев понимал, что в эти места не забредают даже грибники, а значит, рассчитывать на спасение ему не приходится; его смерть будет мучительной, страшной и довольно нескорой. От обуявшего его ужаса Семен на какой-то миг отключился и потерял сознание, а когда очнулся, то увидел обступивших его мужчин в странной черной форме. Появившиеся «незнакомцы в черном» были похожи то ли на ангелов-спасителей, то ли на демонов, пришедших за душой грешного Чеботарева. Семен, и сам не поняв, хрипло застонал: «Кто-о-о?»

– А я бы за твою жизнь сейчас не дал и копейки, – усмехнулся рослый незнакомец, по всей видимости, считавшийся у «демонов» главным.

Если бы Семен мог кивнуть, он бы кивнул: да, я бы и сам не дал... Но поскольку кивнуть он не мог, то лишь согласно замычал.

– Как же тебя угораздило, мил человек? – ласково поинтересовался начальник демонов-ангелов.

Семен и плечами пожать не мог: мол, сам не знаю, и опять промычал.

Поняв, что разговаривать с Чеботаревым, в общем-то, бессмысленно, главный ангел (нет, скорее все-таки демон) сказал, что Семена освободят, если он примет их предложение. Яростно замахать руками в знак согласия Семен тоже не мог, но он мог собрать последние силы и забормотать: да, да, согласен на все!

Тогда сводный отряд ангелов или демонов слаженно принялся за работу по освобождению Семена.

Данила

В разных частях Москвы с разными людьми в этот день происходили странные события; однако удивительные вещи случились не только в Москве – в одной южной, экзотической стране сегодня тоже произошло нечто необычное.

Этим утром тридцатилетний Данила Сумароков пребывал не в лучшем настроении, поскольку первое, что он увидел, проснувшись, был женский труп. Увидев незнакомую мертвую девушку, лежавшую с ним в постели, – рассыпанные по подушке черные волосы, лицо, искаженное гримасой боли, застывший взгляд, вывернутые руки, – Данила скатился с кровати и, захрипев от ужаса и отчаяния, попытался вспомнить, что же произошло с ним сегодняшней ночью.

События вчерашнего вечера в памяти Данилы мелькали хаотичными вспышками: вот он в ночном клубе знакомится с разбитной молоденькой мулаткой, вот они пьют, танцуют, опять пьют, потом курят траву, им весело – впереди целая ночь веселья, выпивки, секса; вот он предлагает подружке поехать к нему, а дальше – провал, вспышки воспоминаний гаснут. Полная тьма. «Ничего не помню», – застонал Данила. Съежившись, он сидел на корточках в углу комнаты, боясь посмотреть туда, где лежала мертвая девушка. Зато именно с этой точки он и увидел пару валявшихся под кроватью пакетиков с рассыпавшимся белым порошком. Что это за порошок, Данила понял сразу, непонятно ему было другое – как наркотики попали в его квартиру? Их принесла сюда девушка или здесь, кроме них, был кто-то еще? Вопросы, вопросы, и ни одного ответа...

Голова раскалывалась, в горле пересохло. Отчаявшись вспомнить, что же произошло с ним ночью, Данила подумал, что, каковы бы ни были причины смерти незнакомки, их следствие очевидно: мертвая женщина и наркотики в его квартире не сулят ему ничего хорошего. Данила знал, что даже за легкие наркотики здесь приговаривают к смертной казни. Да, из этой заварушки ему не выбраться.

Перед его глазами пронеслась вся жизнь: детство в небольшом провинциальном городке, переезд в Москву, учеба в престижном институте, тот переломный миг, когда он придумал свою теорию «экзистенциальной беспечности», содержание которой сводилось к главному принципу: никогда и ни по какому поводу «не париться»; последовавшее за этим решение бросить родину и институт. Наконец, крутой кульбит через моря, страны и приземление в прекрасной южной стране, где есть океан и золото песков, где можно беззаботно прожигать жизнь и вообще «не париться».

Однако сейчас его теория «экзистенциальной беспечности» не срабатывала – не париться из-за мертвой мулатки, «откинувшейся» в его постели, никак не получалось. И Данила «парился», «парился», покрывался холодным потом, сходил с ума от отчаяния.

На лестнице послышались чьи-то шаги, в дверь постучали. Поняв, что пришли за ним, Данила сжался: полиция! «Полицейские» на раз вышибли хлипкую дверь и ворвались в комнату. Их было четверо: трое дюжих молодчиков в черных костюмах и с ними невысокий, сухощавый господин с такой обыденной внешностью, какой обладали сотни тысяч бывших соотечественников Данилы. Чутьем Данила понял, что невысокий господин с бесцветными глазами в этой компании самый главный; кроме того, он понял, что эти люди – не полицейские.

– Нехорошо! – на чистейшем русском сказал сухощавый незнакомец и кивнул в сторону мертвой мулатки.

– Я не убивал ее, – забормотал Данила.

– Возможно, – легко согласился незнакомец, – но вряд ли тебе поверят на суде.

– И что же мне делать? – заметался Данила.

– Выбрать вид смертной казни, – спокойно посоветовал незнакомец. – В этой стране возможны варианты: казнь через смертельную инъекцию, через расстрел, посредством отрезания головы или, как знак особого расположения, могут предложить забрасывание камнями. А вы, господин Сумароков, какую предпочитаете?

– Я хочу жить, – голос Данилы дрогнул.

Незнакомец усмехнулся:

– Ну, тогда слушай меня. Сейчас ты летишь с нами на историческую родину, в Москву, где тебе кое-что предложат. И учитывая обстоятельства твоего отъезда из этой милой страны, я думаю, ты не сможешь отказаться.

Данила вздохнул:

– Что за предложение?

– Узнаешь на месте.

– А если я откажусь?

Незнакомец пожал плечами:

– Через полчаса здесь будет полиция. Дальше ты сам все знаешь. Так что согласие – твоя жизнь.

– Я согласен, – кивнул Данила.

Глава 2

Ая

Над осенней Москвой повисло яблоко полной луны. Ая вообще не любила полнолуние, чувствуя в такие ночи тревогу и раздражение (может быть, потому что в *ту роковую ночь* тоже была такая луна?), а сейчас она просто не находила себе места. Ее терзали сомнения: идти ли на сегодняшнюю встречу с незнакомцем, который знает о ней так много, что если вдуматься – берет оторопь...

Когда утро очертило свой спасительный круг и луна погасла, Ая решила встретиться с загадочным мистером Иксом, рассудив, что, как бы ни была опасна предстоящая встреча, вряд ли она может быть опаснее полетов из окна шестнадцатого этажа.

...Обычно утро Аи начиналось с нехитрых ритуалов и было рассчитано по минутам: ледяной душ, комплекс йоги для полного пробуждения и чашка крепчайшего кофе под любимую классическую музыку; после этого Ая ехала на работу в компанию. Но сегодня все было не так.

Стоя под привычным ледяным душем, Ая неожиданно почувствовала дикий холод и, изменив привычке, включила горячую воду, пытаясь согреться. После душа, все еще подрагивая, она пошла на кухню. Вместо обычного завтрака, состоящего из апельсинового сока, овсянки и кофе, теперь она решила ограничиться только кофе, однако чашка вдруг выпала из ее рук. Осколки фарфора и кофейные разводы на темной плитке пола, дрожь в руках. Нервы, нервы. Даже любимые арии в исполнении оперных див сегодня навевали на нее тоску, и Ая с раздражением выключила проигрыватель; впрочем, тишина показалась еще более зловещей. Она взяла книгу, которую читала в последний месяц, – «Анатомию меланхолии» Роберта Бертона, но, не сумев сосредоточиться, отложила ее.

Ая чувствовала себя потерянной и не могла собраться – расставание со Стасом, события вчерашнего дня, бессонная ночь, а главное, странный телефонный звонок и предстоящая встреча... Виски ломило, сердце выстукивало куда чаще обычного. Йоговская дыхательная гимнастика, глубокий вдох, выдох – и успокоиться! Ну же, давай! Нет, не работало. Успокоиться не удалось.

Она взглянула на часы. Пора было собираться на встречу.

Ая вошла в гардеробную, где, как и во всей ее роскошной квартире, царил образцовый порядок. Но так же, как и все ее жилище, оформленное в стиле хайтек, гардеробная выглядела стильной, блестящей, хромированной и... безжизненной. Ая сознательно исключила из интерьера квартиры все лишнее – никаких фотографий, вазочек, сувениров, салфеточек. Ничего лишнего и личного. Только необходимая мебель, много книг и на стене в гостиной ее любимая гравюра – «Меланхолия» Дюрера.

В гардеробной, несмотря на ее обширные размеры, тоже не было ничего лишнего. Все отсортировано, разложено, систематизировано: ящики, коробки, полки. Расставленные в строгом порядке туфли, сумки – одна к одной, – отобранные по цвету и размеру. На вешалках одежда исключительно монохромных тонов: ряд просто дорогих, ряд очень дорогих деловых костюмов в черной и серой гамме, невероятное количество белых мужских рубашек (преимущественно одной конторы, которая, по мнению Аи, производила лучшие рубашки в мире), строгие брюки, классические юбки. Однажды ее бывший любовник Стас, смеясь, заметил, что в ее гардеробной можно повеситься от скуки и что любой, кто заглянул бы туда, решил, что у этой женщины нет воображения. Не сочтя его шутку смешной, Ая сказала, что у нее действительно нет воображения, так же как у ее покойной матери, известной московской модели Дины Кайгородской. «У моей матери ведь тоже не было воображения. Никакого. Когда я родилась, она даже не стала особо заморачиваться над моим именем, просто взяла две буквы алфавита –

первую и последнюю, и получилось – Ая. Полагаю, придумать более дурацкое имя было невозможно». Ая произнесла это с такой мрачной интонацией, что Стас осекся и перестал смеяться.

Да, в определенном смысле психолог Ая Кайгородская – женщина с блестящим образованием, недюжинным интеллектом, свободно владевшая тремя языками, была начисто лишена фантазии и воображения, потому что, с ее точки зрения, эти категории тоже принадлежали к разряду «лишних» функций. Зато у нее никогда не возникало проблем с выбором одежды – она могла не тратить на это ни время, ни энергию. Вот и сейчас она собралась быстро, как солдат: классический черный костюм, строгий тренч; никакого макияжа, украшений, парфюмерии – ничего лишнего. Только часы заоблачной стоимости – подарок отца – и серый палантин из кашемира.

Ая встала в центре гардеробной – многочисленные зеркала подхватили и отразили образ высокой, красивой, светлоглазой брюнетки (так похожей на звезду столичных подиумов Дину Кайгородскую). Во внешности Аи тоже не было ничего «лишнего» – поразительно гармоничные черты лица (про таких говорят «лицо скульптурной лепки»): изящный нос, большие серые глаза, очерченные губы; короткая стрижка «под мальчика» открывала длинную шею. Несмотря на кажущуюся хрупкость ее тонкой, изящной фигуры, у нее было сильное, мускулистое тело (сказывались годы тренировок в спортзале и многолетние занятия стрельбой из лука).

Стас, хотя и ругал ее за излишний перфекционизм, говорил про нее, что она – женщина-совершенство, эталон стиля. Что правда, то правда – она действительно всегда и во всем старалась быть безупречной и сама считала себя «отмороженной перфекционисткой».

...Женщина, глядевшая на нее из зазеркалья, выглядела уверенной и спокойной. Ая взглянула на часы – до встречи с незнакомцем оставался час, нужно было спешить.

Уже выходя из квартиры, она услышала телефонный звонок. Увидев на экране высветившийся номер отца, Ая вздрогнула: нет, общения с ним она сейчас бы не вынесла, – и не стала отвечать на звонок.

Она вышла из дома, пересекла двор, усыпанный желтыми листьями, села в свою машину – темно-зеленый «Мини-Купер» и поехала навстречу неизвестному.

Егор

Ночь была полна тревогой и сомнениями. Егор почти не спал – кругами ходил по комнате, курил, думал о предстоящей встрече. К утру он чувствовал себя совершенно разбитым. Поняв, что отвлекаясь от мыслей о предстоящей встрече с таинственным незнакомцем и переключиться на что-то другое не получится, Егор просто стал ждать назначенного часа – сидел на кухне за столом перед настенными часами и пил кофе. Литры кофе, и сигареты. Ему казалось, что стрелки часов застыли на месте.

...Еще кофе, и новая пачка сигарет, и вот стрелки стали медленно подбираться к назначенному часу. Он уже одевался, чтобы выйти из дома, как вдруг в дверной звонок позвонили. Егор вздрогнул – нервы, как оголенные провода: кто это там?! Но, увидев за дверью всего лишь свою сумасшедшую соседку Тину Скворцову, успокоился.

– Привет, Тина!

...Огненно-рыжая толстушка Тина поселилась в квартире напротив полгода назад. Как-то весенним вечером Егор, возвращаясь домой с прогулки, столкнулся на лестнице с незнакомой странноватой девицей, одетой в майку с Микки-Маусом и шорты в горошек. Ее рыжие волосы были накручены на бигуди, а лицо покрывал некий зеленый состав (позже Тина объяснила, что нанесла на лицо огуречную маску). Изумленный Егор отшатнулся от девицы, похожей на гуманоида. «Гуманоид» в женском обличье, державший в руках мусорное ведро, радостно объяснил Егору, что живет в квартире напротив. «А меня Тина зовут. Я мусор пошла выносить, не думала, что встречу кого-то в подъезде, ты уж извини за такой вид...» Егор пожал плечами: «Ладно, извиняю, приятно познакомиться», – и потопал к себе.

В тот же вечер новая соседка пришла к нему и попросила помочь ей прикрутить лампочку. Или отремонтировать утюг. Или одолжить ей соль. В общем, не важно – придумала какой-то предлог для знакомства. Что это был именно предлог и что Тина хотела с ним познакомиться, проницательный Егор понял сразу, но отнесся к этому великодушно: лампочку прикрутил, соли дал и разрешил барышне иногда заходить к нему в гости – так, по-соседски. Ну, он же и представить не мог, что последует дальше. Чудаковатая, веселая соседка стала частенько к нему заходить, а вскоре, под предлогом починки телевизора, заманила его к себе в гости.

Квартира Тины Скворцовой оказалась такой же странноватой, как и сама Тина. Егор с тихой тоской разглядывал «веселенькие» картинки на стенах, нелепую штукину из перьев над диваном (Тина сообщила, что это «ловушка для снов»), всякие восточные штучки: веера, вазочки, статуэтки и прочую бессмысленную, эклектичную дребедень. Кроме того, Тинина квартира была переполнена кошками, которые сновали тут и там и таращили глаза из всех углов. Серые кошки, белые с серым, серые с белым, рыжие, как Тина, одна черная кошка и одна невообразимо пестрая, словно сшитая из лоскутов множества кошек.

– У меня семь кошек! – радостно сообщила Тина. – Семь – вообще хорошее число!

При этом Тина не ограничилась реальными кошками – она разнообразно использовала кошачью символику и в интерьере квартиры; кошачьи изображения украшали диванные подушки, на стенах висели картинки с бесчисленными котиками, и даже на чашках были изображены кошки, кошки, кошки. «Кошек так много, что можно было бы и поменьше, право слово!» – угрюмо подумал Егор, слабо отбиваясь от настойчивых уговоров Тины отведать пирога с капустой.

Кроме капустного пирога, Тина принялась потчевать Егора рассказами о своей жизненной философии, ключевой темой которой была идея «трансерфинга». Поначалу Егор даже не понял, о чем идет речь.

– Серфинг? Какой серфинг? Ты катаешься на доске?

Тина ласково улыбнулась:

– Ну что ты! Доска тут ни при чем! Я говорю о трансерфинге – управлении реальностью. И Тина разразилась короткой – минут на тридцать – лекцией об управлении вселенной силой мысли (эта занятная эзотерическая ересь вошла в моду в нулевых).

На середине ее пламенной тирады Егор не вытерпел и прервал девушку:

– Что за ерунда?!

Прозвучало, конечно, невежливо, но Тина ничуть не обиделась и сказала скептически настроенному Егору, что он пока просто не разобрался в сути этой замечательной теории, а вот когда разберется, его жизнь чудесным образом наладится. «Уж поверь мне!» – Тина тряхнула рыжими кудрями и рассмеялась.

Егор вздохнул: «ловушка для снов», интерьер в кошачьих тонах, семь реальных кошек разной фактуры и степени упитанности, рассредоточенные в разных частях квартиры, плюс убежденность в том, что вселенной можно управлять! Что ж, картина ясна – мы имеем дело с клиническим безумием. Егор посмотрел на Тину едва ли не с испугом. Больше он никогда не заходил к ней в гости, наврав, что у него аллергия на кошек. Зато Тина к нему повадилась – с пирогами и бредовыми теориями про этот свой трансерфинг. И если пироги Егор еще хоть как-то мог вытерпеть, то Тинины экстравагантные теории – увольте. Правда, и прогнать ее он не мог – мы же в ответе за тех, кого... Поэтому приходилось терпеть. Есть пироги. Выслушивать. Наверное, так могло продолжаться долго, если бы недавно он не заметил какой-то странный блеск в Тининых зеленых – кошачьего цвета! – глазах. «Уж не влюбилась ли она в меня, часом?!» – ужаснулся Егор.

Дальнейшее только укрепило его в подозрении, что Тина действительно к нему неравнодушна. Неделию назад мощный управленец реальности Тина Скворцова – рыжая девушка с кошками – пришла к нему без пирогов, но с письмом, которое торжественно попросила прочесть сейчас же. Немедленно.

Егор съежился, пытаясь отсрочить неизбежное:

– Может, потом?

– Сейчас! – потребовала Тина.

Ну, делать нечего – он прочел. Письмо оказалось любовным – обычные девичьи бредни. Егор молчал. И это было напряженное молчание. И Тина молчала и ловила его взгляд. Наконец Егор выдохнул (красноречия писателя Осипова хватило лишь на нелепую, скомканную фразу-уродца):

– Эээ... ммм... Зря ты это... Зря.

– Но я люблю тебя, – повторила Тина на случай, если он еще этого не понял.

– Ты заблуждаешься! – мягко возразил Егор. – Ты просто в это поверила, а на самом деле ничего нет.

– Но оно – есть, – грустно сказала Тина.

Егор впервые видел ее грустной.

Но Тина – уж такой человек – долго не могла быть грустной. Через три дня она пришла к Егору как ни в чем не бывало – с пирогом и привычной улыбкой.

Егор глазами спросил ее: ну что? Как будем жить? Сделаем вид, что ничего не было?

– Мы все равно будем вместе, – пожав плечами, сказала Тина как о чем-то само собой разумеющемся. – Так хочет вселенная.

И вот сейчас Тина стояла на его пороге. Невозможно было выбрать момент, более неподходящий для визитов. На мгновение у Егора мелькнула шальная мысль: а может, эта чокнутая Тина разыграла его вчера – проникла к нему в квартиру, забралась в компьютер? Зачем-то удалила роман и пригласила его на тайное свидание? Егор подозрительно взгляделся в Тину, но ее круглое лицо излучало безмятежность, а на покрашенных морковной помадой – в тон рыжим кудрям – губам застыла исключительно доброжелательная улыбка. Егор вздохнул: нет, не может быть, она, конечно, с приветом, но не настолько же...

– Я ухожу, – жестко сказал он, не заботясь о том, что может показаться невежливым.

Услышав назойливое Тинино: «А куда?» – он едва не застонал, уже с трудом сдерживаясь.

– Егор, у тебя все в порядке? – в зеленых кошачьих глазах Тины зажглась собачья преданность.

– Со мной все в порядке, – с холодной яростью бросил Егор. Он буквально вытолкнул Тину на лестничную площадку, вышел за ней в подъезд, захлопнул дверь своей квартиры и ринулся вниз по лестнице.

– Что-то случилось, Егор? – крикнула ему вслед Тина.

Тина

Тина сразу почувствовала, что с Егором что-то не так. И что ему угрожает опасность – она тоже догадалась. Она всегда умела чувствовать такие вещи.

...Еще в детстве Тина Скворцова поняла, что она не такая, как все. Во-первых, она притягивала к себе металлические предметы. Ей достаточно было приложить к своему телу что-то металлическое, и предмет прилипал к ней, словно к магниту. Такое редко, но встречается. Она могла расхаживать с приклеенной ко лбу ложкой и демонстрировала фокусы с притяжением разных столовых предметов, изумляя окружающих. «У девочки какой-то странный магнетизм», – растерянно говорила мать Тины, не досчитавшись очередной ложки, вилки или даже ножа.

Во-вторых, у маленькой Тины была сильная интуиция. К примеру, она могла вдруг увидеть, как ее мать, возвращаясь домой с работы, поднимается по лестнице, и бежала открывать ей дверь, не дожидаясь, когда мать позвонит в звонок или откроет дверь ключом. Или Тина могла почувствовать, что с ее бабушкой, живущей на соседней улице, стряслась беда, и помчаться к ней домой, а когда она прибежала, выяснялось, что у бабушки действительно случился сердечный приступ, и своевременное появление Тины, вызвавшей «Скорую помощь», спасло ей жизнь. В общем, что-то необычное в девочке было... Ну и, наконец, Тина обладала необычной внешностью.

Когда она училась в первом классе, ее одноклассница Ира, носившая титул самой красивой девочки класса, сказала Тине с явным пренебрежением, что та – некрасивая и вообще похожа не на девочку, а на клоуна. После Ириных слов Тина подошла к зеркалу и долго изучала свое отражение: полноватая фигура, огненно-рыжие волосы, и впрямь чем-то напоминавшие клоунский парик, глаза странного кошачьего цвета – зеленые с желтыми точечками, смешной нос и пухлые губы, расплывшиеся в нелепой, будто приклеенной улыбке.

Да, вот улыбка от нее никогда не отлипала. Тина не перестала улыбаться даже в тот миг, когда, разглядывая себя в зеркало и впервые отождествляя себя с этим конкретным образом, поняла, что она некрасива. Ну да, некрасивая, так что с того? Разве это повод печалиться и злиться на мир?! К тому же мама с бабушкой любили ее и уверяли, что она – самая лучшая девочка в городе, стране, вселенной; и Тине маминого и бабушкиного тепла и любви хватало с лихвой, чтобы чувствовать себя счастливой. Мама звала ее солнышком, бабушка – лучиком, и что-то она действительно излучала такое, что заставляло людей улыбаться, глядя на нее. По-доброму улыбаться. Кроме всего прочего Тина сочла, что походить на клоуна совсем не плохо (клоуны веселят людей, значит, радуют), и уж совсем хорошо – быть похожей на свою любимую героиню Пеппи Длинныйчулок. Потому что Пеппи, между прочим, обаятельная и к тому же яркая индивидуальность; сложим эти качества вместе, и получится больше, чем просто красота.

У Тины вообще была странная жизненная арифметика. Она искренне считала, что плюсы надо рисовать из минусов, ну потому что откуда их еще брать? И вообще каждый человек сам творец своего счастья и сам себе математик: хочешь – всюду рисуй жирные минусы, а хочешь – легко переправляй их на плюсы, все в твоих руках!

С такой жизненной арифметикой Тина была абсолютно счастлива, хотя не всегда все складывалось так, как она хотела. К примеру, ее мечта о балете не сбылась.

В возрасте шести лет Тина, с раннего детства мечтавшая о балете, отправилась сдавать приемный экзамен в балетную школу. Когда ее, ожидавшую своей очереди среди других маленьких девочек, пригласили пройти на сцену, чтобы оценить ее данные, преподавательница балетной школы – сухая дама с сиреневыми волосами, чем-то похожая на стрекозу, – увидев

Тину, ахнула: вот это в балет?! Господи помилуй! Тина между тем старательно исполняла танец «умирающего лебедя».

На середине танца засушенная балетная дама, не выдержав, замахала руками: хватит, хватит, и обратилась к матери Тины: «Разве вы не видите, что у вашей девочки нет данных? У нее же... – дама на мгновение запнулась, – тяжелые кости!»

Может, кости у Тины и впрямь были тяжелыми, зато человек она была легкий. Она не стала печалиться из-за того, что ее не взяли в балет, и продолжила заниматься хореографией в танцевальном кружке детского дома творчества. Тина танцевала с азартом и вдохновением, несмотря на то что к окончанию школы ее вес приблизился к роковой черте. По поводу своей полноты она не комплексовала и даже смогла досадный минус своего лишнего веса превратить в плюс. В двадцать лет, узнав о существовании танцевального шоу толстушек, она прошла кастинг в группу и стала заниматься любимым делом – танцевать. Девушка-праздник, девушка-лучик, Тина Скворцова шла по жизни, смеясь и не унывая, и лишь однажды – когда умерла ее бабушка, погрузилась в глубокую, искреннюю печаль.

После смерти бабушки Тине в наследство достались ее квартира и бабушкины кошки в количестве семи штук. «Хорошее число!» – сказала Тина, приняв свое мяукающее хозяйство и как-то сразу его полюбив.

В общем, Тина жила с кошками, танцевала в шоу, любила кино и театр и радовалась жизни. И все бы хорошо, но вот ее личная жизнь не складывалась. Когда месяц назад Тине исполнилось двадцать девять лет, ее мама с грустью заметила, что Тина, как магнит, притягивает не только металлические предметы, но и неприятные ситуации и мужиков-подонков.

...Первый мужчина появился у нее, когда ей уже было двадцать семь. Неискушенной в любовных вопросах Тине показалось, что это – то самое настоящее чувство, которого она так долго ждала. Ее избранник переехал к ней, и стали они жить-поживать. Тина пекла возлюбленному пироги, стирала его рубашки, махала ему рукой из окна, когда он уходил на работу или возвращался со службы, но он все равно сбежал от нее через три месяца. На Тинин вопрос, почему он уходит, мужчина ответил, что у него выявилась аллергия на кошек.

Через год после расставания с обладателем стойкой аллергии на кошек, Тина познакомилась с другим мужчиной, которого звали Виктор. Она сразу честно предупредила его о наличии большого количества кошек в ее квартире, но новый кавалер великодушно сказал, что он любит животных. Виктор с Тиной зажили в полной гармонии; Виктор нахваливал ее пироги, кормил кошек, когда Тина с группой уезжала на гастроли, а если она выступала в Москве – посещал ее концерты. У Виктора в отношении Тины вообще были очень серьезные планы, настолько серьезные, что он даже предложил ей выйти за него замуж, но перед этим улучшить их жилищные условия: продать квартиру Тининой бабушки, добавить денег и прикупить квартиру побольше. «Заведем детей и еще парочку кошек?!» – уговаривал Виктор, и Тина согласилась. Она написала доверенность на право продажи ее квартиры на имя Виктора и на полтора месяца уехала гастролировать по городам Сибири со своим танцевальным шоу.

Сибиряки тепло принимали шоу толстушек, один город сменял другой, все было хорошо, но Тина скучала по Москве, Виктору и кошкам. От скуки в один из вечеров она пошла на выступление некого гастрوليрующего коуч-тренера, который читал лекции об управлении реальностью в тех же залах, где выступали танцовщицы-толстушки (он даже жил с ними в одной гостинице). Лекции колоритного, бородатого коуч-тренера неожиданно сильно заинтересовали Тину, равно как и идея того, что реальностью, а значит, и всей своей жизнью можно управлять. Тина настолько прониклась этой теорией, что стала ходить на все выступления лектора, благо их гастрольный маршрут пересекался, и перечитала все книги об управлении реальностью. По вечерам она звонила Виктору и рассказывала ему о своих новых открытиях из области трансерфинга; Тина надеялась, что, когда она вернется домой, они с Виктором вместе будут управлять реальностью и вселенной. Однако в один из дней, примерно через месяц

после ее отъезда, Виктор вдруг перестал выходить на связь, и Тина почувствовала недоброе. В тот же вечер она вылетела в Москву.

Перепуганные кошки бегали по двору и соседним подвалам, в квартире жили чужие люди, утверждавшие, что они ее купили. Позже выяснилось, что Виктор продал Тинину квартиру и скрылся с деньгами по-английски – не прощаясь. Тина была подавлена – не такого развития событий она ждала от вселенной.

Отойдя от шока, она сняла квартиру, перевезла туда кошек и стала жить дальше, продолжая – вот это было самое удивительное – верить людям и верить в любовь. Вот такая она была – Тина Скворцова.

Переехав в съемную квартиру, она оказалась соседкой Егора Осипова. Увидев Егора в первый раз – грустные, темные глаза, усталая, ироничная улыбка, – Тина сразу поняла, что Егор – необычный человек, и решила познакомиться с ним поближе.

Она стала ходить к нему в гости. Сначала пару раз в неделю, затем через день, потом поняла, что должна видеть его каждый день. По мере того как она узнавала Егора, Тина все больше укреплялась во мнении, что Егор – незаурядный. Он казался ей немного заброшенным, несчастным и очень одиноким. Тине захотелось согреть его и сделать счастливым. А когда он рассказал ей о своей книге, она поняла, что Егор – талантливый. Необыкновенный. Лучший в мире. И любовь пронзила большое и доброе сердце Тины. Все ее прежние любовные увлечения были забыты; Тина поняла, что до встречи с Егором она никого не любила, а принимала за любовь ее жажду.

В Егоре ей нравилось решительно все: его яркая внешность – темные уголья глаз, черные, длинные, чуть вьющиеся волосы, несовременная манера одеваться (он любил длинные плащи, брюки и белые рубашки); музыка, которую он слушал, – джаз тридцатых-сороковых годов. Ей нравились его пристрастия к книгам и шахматам. Наконец, ей нравилась его слегка обшарпанная, но весьма стильная квартира с массивной благородной мебелью, тяжелыми бархатными шторами, полностью изолирующими хозяина от внешнего мира, старинными настенными часами с боем, письменным столом, уставленным чернильницами, статуэтками, шкатулками и книгами, книгами. Тина приходила сюда как в музей – разглядывала многочисленные диковины на столе Егора, рассматривала корешки его книг, благоговейно дотрагивалась кончиками пальцев до клавиш его раритетной печатной машинки, а когда Егор уходил на кухню, чтобы сделать им чай, она тайком брала его портсигар и вдыхала запах табака – запах любимого мужчины.

Она была готова смириться даже с недостатками Егора; к примеру, остроумный, ироничный Егор зачастую переходил грань допустимого и становился язвительным, но Тина оправдывала его тем, что под маской иронии он скрывает свою подлинную натуру и что на самом деле он – тонкий, добрый, не слишком уверенный в себе человек. Она понимала, что Егор, как всякая творческая личность, – сложный и противоречивый и что он подвержен приступам хандры и резкой смене настроения. Его настроение действительно часто менялось, порой Егор казался сумрачным и депрессивным, иногда излучал обаяние и был веселым и обаятельным.

Приступы его плохого настроения она научилась переживать; приходя к Егору, она просила разрешить ей посидеть в уголке, чтобы якобы осязать так хорошо струящиеся сквозь это место потоки реальности. Егор пожимал плечами и разрешал. Она могла сидеть так часами, смотреть на то, как он работает или играет в шахматы сам с собой, но Егор ни разу не предложил ей прочесть его роман или сыграть с ним в шахматы. А Тина не обижалась: на гениев – а Егор был гением, в этом она не сомневалась, – не обижаются. Им нужно служить – самозабвенно, безропотно, и Тина была готова посвятить Егору и его литературному таланту всю свою жизнь. Она уверяла Егора, что вопрос его признания всего лишь вопрос времени, и рас-

сказывала ему о трансерфинге реальности, правда, Егор отмахивался от этих разговоров, не воспринимал их всерьез, но Тина знала, что когда-нибудь он все поймет.

Неделю назад она решилась признаться ему в любви – написала письмо, вручила. Но реакция Егора на ее признание оказалась не такой, какой она ждала; увы, он не прижал ее к груди и не сказал: да-да, я тоже тебя люблю, и отныне мы будем вместе! Нет. Она сжалась, увидев его помрачневшее лицо. Особенно больно ей было от того, что он явно избегал смотреть на нее. «Он не любит меня!» – поняла Тина и едва не вскрикнула от пронзившей ее боли. Она была несчастна целых три дня – предельно, абсолютно несчастна; не могла танцевать, не выходила из дома, лежала на диване, отвернувшись к стене, иногда смахивая облепивших ее кошек. А потом она подумала: ну да, он не любит меня, но... когда-нибудь он меня полюбит. Это вопрос времени. Вселенная хочет, чтобы мы были вместе, и все устроится.

Успокоившаяся Тина встала с дивана и пошла на концерт; в этот вечер она танцевала с небывалым вдохновением. На следующий день она испекла пирог – совершенно особенный, по новому рецепту, и отнесла его Егору.

А сегодня она пришла к нему, чтобы пригласить его сходить вместе с ней на лекцию о трансерфинге, но, как только Егор открыл ей дверь, Тина поняла, что с ним что-то случилось. Егор был странно взволнован, буквально не в себе – потерянные глаза, сбивчивая речь. Он сказал ей, что уходит из дома, и, оттолкнув ее, куда-то помчался. «Ему грозит опасность!» – ахнула Тина.

На раздумья времени не было: в окно лестничного пролета она увидела, что Егор пересекает двор. Она поняла, что должна идти за ним. Проследить. Уберечь. Защитить. И Тина ринулась за Егором.

Выбежав из подъезда, она поспешила за ним, вместе с Егором свернула на соседнюю улицу, перешла через сквер. Как в каком-нибудь шпионском фильме она шла на безопасном отдалении от Егора, чтобы не быть замеченной. Впрочем, с Егором провернуть сей шпионский трюк было совсем несложно: погруженный в себя Егор не заметил бы преследования, даже если бы за ним по следу шла вся армия Наполеона.

Увидев, что Егор входит в здание метрополитена, Тина, не задумываясь, нырнула в метро следом за ним.

* * *

Егор вышел из метро и побрел в сторону ВДНХ – встреча была назначена у северного входа. Встав рядом с легендарным памятником, этой каменной громадиной, считающейся эталоном социалистического реализма, он стал ждать. Временами Егор запрокидывал голову и смотрел в небо. Осенью случаются такие солнечные дни, когда небо кажется особенно синим, бездонным. Сегодняшний день был из таких. Осеннее солнце плыло над Москвой, символ советской эпохи – Рабочий с Колхозницей – вот уже восемьдесят лет неустанно несли серп и молот. Прохожие спешили в парк, чтобы насладиться в осенних аллеях последним теплом. Происходящее словно раскладывалось на кадры какого-то красивого, но безумного фильма и казалось Егору нереальным; он будто наблюдал за всем со стороны. Вот он – неудачливый литератор, стоит, дожидаясь встречи с кем-то неведомым, волнуясь, будто от этой встречи зависит его жизнь. Словно бы он – писатель Осипов – неожиданно стал героем чужого романа, автор которого пока неизвестен.

Прошло двадцать минут – к нему никто не подходил.

«Постою еще пять минут и пойду», – подумал Егор. Вчерашний звонок, странное предложение теперь казались галлюцинацией, наваждением, порожденным обычной писательской шизофренией.

И тут к нему подошли...

Их было трое – мужчины в добротных черных костюмах. Высокие, широкоплечие. На серьезных лицах ни эмоций, ни тени сомнения. Они были похожи на киношных агентов спецслужб. Вежливые, да – очень вежливые. Исключительно вежливо они попросили его пройти следом за ними и сесть в их машину. Егор на минуту замешкался, но затем согласно кивнул. Они пошли по направлению к черному автомобилю, стоящему неподалеку, и тут как черт из табакерки откуда-то с другой стороны памятника выскочила Тина Скворцова и закричала:

– Егор, что тут происходит?

Егор побледнел – такого поворота он не ожидал. Он был готов рискнуть собственной жизнью, но жизнью этой нелепой девицы...

– Уходи, пожалуйста, уходи, – прошептал он и сильно сдал руку Тины.

Тина вцепилась в его плащ:

– Я тебя не оставляю!

В голосе – тревога, в глазах – готовность к самопожертвованию.

На доселе бесстрастных лицах людей в черном появилось некое подобие замешательства – похоже, их компьютеры «подвисли». Один из них растерянно стал кому-то звонить и что-то спрашивать. Очевидно, его телефонный собеседник дал своей команде указания, потому что мужчина в черном сказал Тине:

– Вы можете ехать с нами!

– Да-да, я поеду, – кивнула Тина и полезла в машину.

Егор тяжело вздохнул.

Ая

Темно-зеленый «Купер» летел по московским улицам. Наконец Ая остановилась. Она приехала к месту встречи, которая была назначена у входа в парк «Сокольники». Подумав, Ая решила не выходить из машины; из салона прекрасно просматривался вход в парк, и она бы сразу увидела того, кто назначил ей встречу. Правда, Ая не знала, кого ждет, но была уверена, что как только незнакомец появится, она поймет, что это он. Оставшись в салоне, она давала себе шанс – в последний момент отказаться от встречи, не попасться в ловушку, мало ли кто расставляет сети и мало ли кого она сейчас увидит? В конце концов, у нее есть возможность – ударить по газам и уехать, если вдруг она увидит то, что ее насторожит...

«Странно, почему встречу назначили в парке? – подумала Ая. – Не белочек же покормить меня сюда позвали...»

Таинственный незнакомец пунктуальностью не отличался – прошло пять минут, десять, пятнадцать... Сердце бешено стучало, внутри разливался странный холодок. Было ли ей страшно? Да. Но желание узнать, кто был тот человек, что звонил ей вчера, пересиливало страх.

«В том букете было десять роз, десять, Ая!» – она словно услышала вчерашний голос и зябко повела плечами: но откуда, откуда? Не явился же он из своего ада, чтобы убить ее еще раз?!

В стекло постучали.

Дальнейшее показалось ей похожим на шпионский фильм. Трое хорошо одетых молодых мужчин предложили ей выйти из машины и пересесть в их «транспортное средство».

– Почему я не могу поехать за вами на своей машине? – спросила Ая, но, увидев их бесстрастные, непрошибаемо вежливые лица, махнула рукой – что ж, пусть так...

– Не беспокойтесь, – сказал ей один из незнакомцев, – вашу машину отвезут к вашему дому и поставят на обычное место.

– А вы знаете, где я живу и даже где я обычно паркуюсь? – удивилась Ая. – Любопытно...

Она вышла из своего «Купера» и пошла за ними. Пока шли, Ая успела подумать, что, если сейчас увидит космический корабль-тарелку или похоронный катафалк, ничуть не удивится.

Увидев вполне банальный черный «Мерседес», она все-таки удивилась – надо же, ничего inferнального! – и села в него. Впрочем, Ая не зря ждала подвоха – обычным «Мерседесом» не ограничились. Примерно через час ее привезли на какой-то небольшой аэродром, где предложили пересесть в вертолет.

– А теперь полетаем, да? – мрачно усмехнулась Ая.

Что ж, не космическая тарелка, но в целом довольно необычно. Ладно... Полетели.

Глава 3

Данила

Не таким Данила Сумароков представлял себе возвращение на родину; впрочем, если быть честным – возвращения на родину он вообще не представлял, потому что не собирался приезжать в Россию в ближайшие лет двадцать. Так что факт пересечения российской границы уже казался Даниле удивительным, а обстоятельства, при которых это произошло, и подавно.

Данила смотрел в окно вертолета: внизу расстилались леса Подмоскovie, тронутые пожаром осени. Данила не знал, ни куда он летит, ни зачем, а спросить было некого. Трое бравых парней, сопровождавших его с самого начала путешествия, были молчаливы, как рыбы. Да и пилот вертолета не вступал в разговор; на вопрос Данилы: «Куда летим, старина?» – лишь уклончиво ответил: «Там узнаешь». Все это, конечно, выглядело куда как странно. И перемещение в Россию оказалось весьма необычным: Данилу привезли в закрытый терминал аэропорта страны, которую он теперь так стремился покинуть, и посадили в небольшой частный самолет. Что самолет частный, можно было догадаться по его размеру и отсутствию других пассажиров – кроме самого Данилы и сопровождавших его парней, в салоне больше никого не было. Данила – балагур по натуре, попытался пошутить, сказав парням, что он и не думал, будто он – такая важная птица. В ответ парни промолчали и наградили его тяжелым взглядом, явно не оценив его юмора.

Пока летели, у него было время подумать о прошлой ночи и попытаться восстановить хронику событий с тем, чтобы объяснить смерть незнакомой девушки, однако тщетно – и на сей раз воспоминания ограничивались вечеринкой в ночном клубе, а что было после клуба – он не помнил. Так что версий, объясняющих смерть девушки, у него по-прежнему не было, как и гипотез относительно того, зачем кто-то захотел его спасти, да еще столь экстравагантным способом – на частном самолете, в сопровождении охраны. Кстати, оставался еще один хороший вопрос, может быть, самый интересный: а какой платы от него потребуют за оказанную услугу? Не окажется ли так, что ему было бы лучше остаться в той комнате наедине с покойницей? Что ж – скоро узнаем...

В Москве, когда он вышел из самолета, его попросили пересесть в вертолет.

– Опять летим? – удивился Данила.

Да, полетов что-то многовато. При этом все предельно зашифровано, а у сопровождающих его людей такие постные лица, что к ним не подступиться. На их фоне – серьезные физиономии, деловые костюмы, он – абсолютный раздолбай в купальных сланцах и белых шортах, небритый и слишком загорелый для Москвы, с вытатуированной на левой руке надписью «Не парься!» – выглядел нелепо. Не парься! Эти-то парни в черном подобной жизненной философии, по всему видно, не разделяли. И даже его багаж выдавал в нем исключительно несерьезного человека – кроме любимой электрогитары, он с собой в Москву ничего не взял. Дело в том, что, когда он вчера в спешке покидал свою квартиру, ему разрешили взять только самое необходимое. Хмурый дядька в черном так и заявил: у тебя на сборы три минуты. В итоге Данила схватил электрогитару и уже было потянулся за доской для серфинга, но тут дядька грозно зыркнул на него и сказал: «В ближайшее время, парень, тебе это не понадобится». И в его голосе прозвучал такой металл, что Данила как-то сразу ему поверил: да, в ближайшей жизни покататься на доске уже не получится, похоже, волна навсегда ушла.

Уходя из своей квартиры, он не смог удержаться – оглянулся, посмотрел на мертвую девушку, с сожалением подумал: красивая, жаль, могла бы кого-то осчастливить. Что же все-таки произошло той ночью? Данила не мог поверить в то, что это он ее убил. Он никогда не смог бы убить человека. Но это в нормальном состоянии не смог бы, а кто знает, в каком измененном

состоянии сознания он находился той ночью? Он ведь даже не помнит, что принимал. Подумав об этом, Данила тяжело вздохнул: нет, что угодно, только не убийство...

И снова нескончаемые леса, подмосковные поселки. Интересно, они когда-нибудь доберутся до места назначения?! Странно все это... Хотя если так подумать, то в его жизни странностей, иррациональных и необъяснимых событий вообще было куда больше, чем в жизни среднестатистического человека.

Начать с того, что он никогда не знал, кто его отец. Всякий раз, когда он спрашивал об этом мать, та молчала, словно здесь была какая-то тайна. Данила даже заподозрил неладное – если его исключительно «правильная» мать, профессор, заведующая хирургическим отделением городской больницы, человек незыблемых моральных устоев, умалчивает об этой части своей жизни, значит, что-то там не чисто. «Мой папаша не иначе был либо женатиком, либо бандюганом, а может статься, каким-нибудь слишком известным чуваком?!» – терялся в догадках Данила.

Когда ему исполнилось шестнадцать лет, случилась другая странность – на его имя кто-то стал присылать денежные суммы. Большие денежные суммы. «Охренеть, какие большие денежные суммы!» – возликовал Данила, потому что до этого они с матерью скромно жили на ее врачебную зарплату. Данила, разом получивший много новых возможностей: модную одежду, технику, другой уровень жизни и перспективы, черт побери, перспективы на будущее, обрадовался, даже не особо интересуясь, откуда, собственно, приходят деньги. А вот его мать огорчилась, испугалась, встревожилась, сказала, что эти деньги нельзя брать, что от них нужно отказаться. Тогда Данила вспылил, показал зубы – с какой стати он должен отказываться от денег, которые присылают на его имя?! – и заявил матери, что эти деньги – его будущее. Через год он окончит школу и уж, конечно, не задержится в этом Задрючинске – он поедет в Москву, поступит в хороший вуз, и поскольку на осуществление его амбициозных планов нужны средства, от денег он не откажется.

С первого денежного перевода Данила, с детства помешанный на рок-н-ролле, купил себе электрогитару и кучу фирменных шмоток. А в семнадцать, получив аттестат об окончании школы, он действительно уехал в Москву и поступил в МГУ на философский факультет. И вот что странно – и в Москве тоже каждый месяц на его имя продолжали приходить денежные переводы. Хотя он не уведомлял своего таинственного благодетеля о смене места жительства, создавалось ощущение, что тот знает обо всех переменах в жизни Данилы и наблюдает за ним. Впрочем, Данилу это не слишком волновало. Забот в новой, разгульной столичной жизни у него и без того хватало: девушки, вечеринки, ночные клубы. Мысль о том, что в этой жизни главное – не париться, пришла ему в голову уже в студенческие годы. А потом в его судьбе случился новый крутой поворот. На пятом курсе он бросил институт, Москву (да ну эту вашу Россию – здесь слишком скучно), свою тогдашнюю девушку – и рванул к океану: кататься на серфе, поигрывать на электрогитаре, любить красивых женщин, ловить от жизни кайф – а разве на свете есть другие стоящие вещи? Тем более что таинственный благодетель продолжал посылать ему деньги и после того, как Данила уехал из России, и о материальной стороне жизни можно было не беспокоиться. Данила рассчитывал провести так если не всю оставшуюся жизнь, то весьма долгое время, однако же сегодня рок, фатум, судьба или какие-то обдолбанные уроды, убившие его подружку, вмешались в его планы, и все полетело к чертям.

И теперь его куда-то везут под конвоем серьезных людей с непроницаемыми лицами, а впереди у него полная неизвестность. При этом за свою жизнь он не особенно переживает – и по этому поводу нечего париться! – но ему жалко мать. По правде сказать, он никогда не был хорошим сыном. Когда он уехал из России, они с матерью перестали общаться. Мать была против его эмиграции, ей не нравился его образ жизни; она – гордая, принципиальная, и он – упертый: нашла коса на камень. В последнее время их размолвка стала его беспокоить,

саднило внутри; он хотел наладить отношения, но пока не успел. И если сегодня для него все закончится, у него не будет шанса что-то исправить.

Данила поглядел в окно: вертолет стал снижаться.

Егор

Всю дорогу, пока летели, Тина смотрела на него преданными зелеными глазами. Когда Егор спросил ее, откуда она, собственно, взялась на ВДНХ, Тина призналась, что, испугавшись за него, пошла за ним следом. Егор вздохнул: вот, глупая, попала в переплет! Это тебе не управление реальностью, еще неизвестно, чем все закончится.

Тина виновато прошептала:

– Главное, что мы вместе!

Вертолет опускался. «И что мы увидим сейчас – замок, охраняемый драконами?» – усмехнулся Егор.

Все, сели.

Сопровождавшие Егора с Тиной парни в черном вывели их из вертолета и повели к воротам.

Этот дом, что бы здесь ни размещалось, охраняли как важный стратегический объект – всюду охранники, прицелы видеокамер. Для пущего эффекта и впрямь не хватало только пары огнедышащих драконов. Ворота, еще ворота. Они прошли через третий по счету пункт охраны и наконец вышли к огромному футуристическому зданию, похожему то ли на гигантский шар, то ли на космическую тарелку. Увидев дом, напоминавший декорацию для научно-фантастического фильма, Тина простодушно охнула: «Ну ничего себе! Куда это мы попали?» А Егор подумал, что кто бы ни был хозяин дома, о нем с уверенностью можно сказать только одно – этот человек богат. Неприлично богат. Еще сверху Егор смог оценить размеры территории, окружающей дом, – это были десятки гектаров земли. Да и размеры самого дома, его необычная архитектура – круглые стены из стекла, парящие стальные балки – производили изрядное впечатление. Интерьер тоже был необычным – никакого намека на буржуазную роскошь, все сдержанно, минималистично, но при этом очевидно, что как раз эта сдержанность стоила бешеных денег. Кривые и плавные стеклянные панели, высокие потолки, футуристическая мебель – пространство сверкало и переливалось светом. Казалось, что свет пронизывает этот дом.

Пройдя вслед за одним из своих спутников, сопровождавшим их еще с Москвы, по лестнице на третий этаж, Егор с Тиной оказались в большой гостиной. Мужчина предложил им сесть и дождаться хозяина дома, после чего ушел, оставив их одних. Запрокинув голову, Егор загляделся на многоуровневый купол гостиной, выполненный в виде идеальной полусферы, покоящейся на стальном каркасе. Под куполом, в атриуме, была расположена терраса. Егор посадил Тину на диван, а сам подошел к одному из панорамных окон, из которого открывался роскошный вид на парк. «Впечатляет, – хмыкнул Егор, – однако, когда мы наконец увидим хозяина?»

Послышались шаги, и в гостиную вошел человек.

Нет, у Егора, конечно, были определенные фантазии по поводу личности хозяина этого дома – воображение писателя работало по полной программе, выдавая версии одну невероятнее другой, однако, увидев хрупкую, темноволосую девушку в черном брючном костюме (красивое лицо, стрижка «под мальчика», большие серо-синие глаза, смотрит с вызовом), Егор несказанно удивился. С минуту Егор с незнакомкой пристально, словно изучая, глядели друг на друга.

Незнакомка первой нарушила паузу:

– И что это значит? Зачем этот странный квест?

Голос у нее для такой хрупкой девушки оказался неожиданно низким. Изумленный Егор молчал.

– Я жду разъяснений! – потребовала незнакомка.

– Да, честно сказать, я и сам ничего не понимаю! – признался Егор.

– А зачем вы меня сюда пригласили? – в ее серо-синих глазах вспыхивали грозовые искры, при этом выглядела она абсолютно спокойной. – И давайте уточним сразу: о каком предложении, собственно, идет речь?

Услышав ее вопрос, Егор понял, что незнакомая девушка – тоже приглашенная особа и знает о происходящем не больше его. Ответить ей он не успел, потому что в гостиную вошел бородатый загорелый парень в шортах и сланцах на босу ногу, с электрогитарой в руках.

– Так это вы? – спросила его брюнетка.

– Я, – кивнул парень.

В нем было что-то развязное, и Егору это не понравилось.

– А зачем вы это все придумали? – подала голос Тина.

– Я придумал? – удивился бородач и недоуменно пожал плечами. – Боюсь разочаровать почтенную публику, но я ничего такого не придумывал. У меня вообще с фантазией не очень...

– Вас тоже пригласили? – догадался Егор.

– Выходит, я не один такой? – ухмыльнулся загорелый парень.

– Я так понимаю, что мы все в списке приглашенных, – сказал Егор, – и сейчас ждем не только хозяина, но и остальных участников этого спектакля.

Словно подтверждая его слова, в гостиную вошла светловолосая девица лет тридцати. Девушка взирала на присутствующих с ужасом, казалось, еще немного – и она хлопнется в обморок.

– Не стоит так волноваться, милая барышня, – сказал ей бородатый парень, – присаживайтесь, дышите глубже, ждите. Мы тут все ждем.

– А кого? – выдохнула испуганная блондинка.

– Ну... крестного отца, большого босса, – усмехнулся бородач.

Почти одновременно, с разницей в минуту, в гостиной появились двое мужчин. Один – русоволосый, худощавый, голубоглазый, другой – коренастый, кряжистый, с бритой головой и цепкими, темными глазами. Они держались обособленно друг от друга, из чего можно было сделать вывод, что мужчины незнакомы.

– Интересно, все гости уже собрались? – хмыкнул бородатый парень в белых шортах. – Пора бы уже и хозяину показаться.

В гостиную вошел хмурый подросток лет пятнадцати – худой, в очках. Обычный паренек из толпы.

– На хозяина не похож, – констатировал загорелый бородач, оглядев подростка.

Подросток ответил ему недоуменным взглядом и выдавил:

– Да какого черта? Я вообще ничего не понимаю...

– А тут никто ничего не понимает, – доброжелательно сказала Тина и показала на место на диване рядом с собой, – садись, парень.

Подросток сел рядом с Тиной.

* * *

Коротая ожидание, Егор обошел гостиную и счел, что пространство и интерьер в известной степени обезличены – по ним нельзя было определить пол, возраст, психотип хозяина этого дома: ни фотографий, ни даже сувениров, только диваны и кресла причудливой, футуристической формы, в центре большой стол со стульями и телевизионный экран на стене, который мог составить честь любому кинотеатру. Впрочем, одну картину Егор в конце концов приметил. Гравюра не сразу бросалась в глаза из-за своего небольшого размера и расположения – она висела на стене против окна, и в этот солнечный день ее затеняли лучи солнца. Егор, конечно, сразу узнал ее – это была известная медная гравюра Дюрера «Меланхолия», столь

любимая искусствоведами и романистами. Егор усмехнулся: гравюра сама по себе являлась столь странной, полной каких-то алхимических смыслов и тайных кодов (понятных, очевидно, лишь самому художнику), что немного могла рассказать о человеке, пожелавшем повесить ее у себя на стене.

Отчаявшись узнать что-либо о владельце дома, исходя из его стилистических предпочтений, Егор переключился на присутствующих в гостиной людей. Причем первое, что он отметил (очевидно, в нем говорил писатель), что персонажи отобраны идеально, поскольку представить более разношерстную, пеструю публику, чем та, что собралась в этой странной гостиной, было невозможно. Эти незнакомые люди казались слишком разными, настолько, что Егор терялся в догадках – по какому принципу их отбирали? «Тем не менее у нас должно быть что-то общее!» – подумал Егор, продолжая изучать присутствующих.

* * *

Егор задержал взгляд на коренастом, побритом наголо мужичке в кожаной куртке – невозмутимый вид, в уголках рта усмешка, а в глазах что-то лихое, опасное. «Колоритный персонаж, ему бы бандитов играть», – отметил Егор и переключился на мужчину, явившегося почти одновременно с бритоголовым, но державшегося особняком от него. У незнакомца было непроницаемое лицо, что называется, без признаков яркой индивидуальности, но, присмотревшись, Егор заметил на его правой щеке небольшой шрам. Незнамец был чуть выше среднего роста, подтянутый, мускулистый, его голубые, холодные глаза, казалось, излучали спокойствие, но это было спокойствие зверя перед прыжком. Егор обратил внимание на его руки – сильные руки сильного человека, руки солдата, спасателя или... убийцы. На его фоне высокий загорелый пижон в белых шортах выглядел совершенным раздолбаем. «Явный прожигатель жизни, – с некоторым пренебрежением подумал Егор, разглядывая бородатого парня, одетого не по сезону, – к тому же слишком смазливый – из числа тех, что нравятся девицам. И зачем он приперся сюда с этой дурацкой гитарой?!» Щуплый, невысокий подросток-очкарик, который втянул голову в плечи и ни на кого не смотрел, по мнению Егора, был явным социопатом. Черт его знает, что там в этом тихом омуте водится...

Наибольшим вниманием Егор удостоил хрупкую брюнетку в черном брючном костюме: надменное лицо – взглядом может заморозить, безупречная осанка, достоинство в каждом жесте, но как-то излишне напряжена, будто натянутая струна, и сдается, что, если эта струна сорвется, мало кому не покажется. Да, определенно под сей маской Снежной королевы бушуют нешуточные страсти. Егор не мог отвести от нее глаз – красивая... Высокая, фигура изящная, словно выточенная, короткая стрижка «под мальчика» (в столь смелой стрижке есть что-то нарочито сексуальное, но надо быть очень красивой женщиной, чтобы позволить себе такую), обнаженный затылок, длинная шея.

Рядом с брюнеткой испуганная блондинка казалась невзрачной и блеклой. Когда Егор посмотрел на нее, она словно сжалась от его взгляда. В ее внешности проступало что-то скандинавское: светлые волосы с желтизной, вытянутое, грубоватое лицо, неженственная фигура – слишком высокий рост, широкие плечи, большие руки и ступни. На вид ей было что-то около тридцати, и она, увы, уже казалась «старой девой»; одета слишком скучно: джинсы, водолазка, грубые армейские ботинки – стиль «мышь из толпы». В ней не было ничего яркого, примечательного, и лишь одно привлекало внимание – ее мертвенная бледность. «Абсолютно белое лицо, как будто ее только что достали из морга», – подумал Егор.

Варвара

Варя до сих пор не могла прийти в себя. Ее тошнило от выпитых лекарств и от пережитого в морге шока.

Из морга ее сразу куда-то повезли; автомобиль, вертолет – дорога оказалась дальней. Пока ехали, в ее голове, раскалывавшейся после принятого «смертельного» коктейля, крутился один и тот же вопрос: почему приготовленный ею раствор, яда которого должно было хватить на то, чтобы умертвить троих, как она, не подействовал?! Что она сделала не так? Варя пыталась понять, где она ошиблась, размышляя даже не об этой последней оплошности, а о другой – глобальной, жизненной ошибке, после которой все пошло не так. Когда она ошиблась? Когда полюбила Дмитрия или когда отказалась от его предложения?

...После школы Варвара Воеводина – прирожденный химик, девушка, которая могла разъять на химические элементы вселенную, поступила в институт, и уже к окончанию института у нее появилась специализация, а вернее сказать – цель, дело всей ее жизни – исследования в области психофармакологии. Над созданием этого препарата Варя работала самозабвенно, кроме науки и проводимых ею исследований, ее больше ничто не интересовало. Она с презрением относилась к «женской дребедени», включая моду и отношения с противоположным полом. Вообще «женского» в Варе было крайне мало, разве что женское имя да фамилия, оканчивающаяся на «а». А так – ничего, ну почти ничего (нечто, что все-таки еще оставалось, Варя безжалостно вытравила). Ничуть не интересуясь собственной внешностью, она носила грубые ботинки и мешковатые джинсы, забирала волосы в пучок и не заботилась о косметике; не страдая из-за отсутствия комфорта, она жила в маленькой квартирке на окраине, доставшейся ей от родителей; у нее не было ни друзей, ни привязанностей, и единственным ее увлечением были кактусы и суккуленты, которые она любовно выращивала на подоконнике (чем объяснялась ее привязанность именно к кактусам, а не, к примеру, фиалкам, Варя и сама не знала). В общем, жизнь ее преимущественно состояла из работы, и такой расклад Варю абсолютно устраивал, ведь у нее была цель, которой было не жаль посвятить все свое время и силы.

Итак, работа, работа, научные статьи, общение только с лабораторными мышами, и вдруг, нарушая все ее планы, на горизонте появился Дмитрий.

В тот день, обнаружив, что она потеряла папку со своей будущей кандидатской диссертацией, Варя пришла в отчаяние. Она никак не могла вспомнить, где оставила папку: в метро, в кафе, институте, а значит, нечего было надеяться ее найти. Однако на следующий день случилось чудо – к ней явился молодой мужчина, представившийся Дмитрием, и вручил ей потерянную папку. «Ваша? Получите. Больше не теряйте. Что вы, что вы – не стоит благодарностей...» Для Вари этот молодой синеглазый красавец уже был спасителем, рыцарем, принцем на белом коне.

– Вы даже не представляете, как это для меня важно, – сказала Варя, прижимая папку к сердцу.

Дмитрий снисходительно кивнул.

– А как вы меня нашли? – спросила Варя, почувствовав, что тонет в его синих глазах.

– Обыкновенное чудо, – улыбнулся Дмитрий. – Вы не верите в чудеса?

Она верила в чудеса, и, возможно, поэтому на завтра Дмитрий пришел к ней с огромным букетом роз. Варя, которой вообще никто никогда цветов не дарил, отчаянно смутилась и почувствовала себя немного поп-звездой и наконец-то женщиной. Тут ведь вот еще какая штука: прежде Варя никогда ни в кого не влюблялась, в известном смысле, у нее не было любовного иммунитета. Если бы она раньше переболела романами разной степени тяжести – первой любовью в детском саду или школе, вторым-третьим романом в юности, пережила бы пятое-десятое разочарование в молодости, то, глядишь, к двадцати девяти годам у нее уже

сложился бы какой-никакой любовный опыт и иммунитет; а так – нет, и бедная Варенька втюрилась в Дмитрия со всем пылом никогда не траченной любви. Полюбила как в омут с головой. И только он один на всем белом свете, а наука пусть теперь подождет. Все не вытравленное женское мощно хлынуло наружу, природа громко заявила о себе.

Через неделю они с Дмитрием стали любовниками. Через две недели он переехал к ней жить. А через месяц он предложил ей заняться производством синтетических наркотиков – такие знания и опыт пропадают даром!

Предложение возлюбленного вызвало у Вари шок. Услышав его (а Дмитрий спросил как будто просто так, словно говорил о чем-то другом и вдруг мимоходом сказал об этом): «Варька, а давай ты будешь делать синтетические наркотики? Я знаю заинтересованных людей, есть каналы сбыта, денег заработаем немерено», Варя захлопала глазами:

– Ты вообще о чем?

Дмитрий усмехнулся:

– Ну что ты как маленькая?! Мы навели справки: ты лучшая в своем роде. Мы выбрали тебя.

Варя не поверила своим ушам:

– Выбрали меня? Для чего?

– Для этой почетной миссии, – в синих глазах ни тени смущения.

– А кто «вы», Дима? – Она еще на что-то надеялась.

Дмитрий объяснил, что речь идет о его друзьях.

– Они – серьезные люди, которым можно доверять. С деньгами.

Варя оцепенела – что-то не сходилось, не выстраивалось.

– Но как же папка с документами, наше случайное знакомство? Ты ведь не мог знать, что я – химик, или... Но ты же не мог подстроить нашу встречу?!

– Ладно, признаюсь, – кивнул Дмитрий, – я выкрал у тебя твою папку в кафе, когда ты ушла в туалет.

– Зачем?

– Чтобы познакомиться с тобой. И – да, в том кафе я оказался не случайно. Говорю же: мы выбрали тебя, потому что ты – лучшая.

Происходящее казалось Варе страшным сном, и ей хотелось поскорее проснуться. Она вдруг подумала, и это была спасительная мысль, что Дмитрий мог запутаться, его могли заставить влиять на нее. Да, злодеи заставили его пойти на это (возможно, его одурманили, задурили ему голову!), и значит, она должна попытаться все исправить, объяснить ему, почему не может принять его предложение. Терпеливо, с любовью объяснить.

Варя стала рассказывать Дмитрию про то, что наркотики – это зло, ловушка дьявола, и что она хочет употребить свои знания на благо человечества.

– И знаешь, Дима, ведь у меня есть цель, о которой я пока никому не рассказывала: я работаю над созданием препарата для лечения клинической депрессии, абсолютно нового антидепрессанта, который, я уверена, сможет помочь многим людям.

– Зачем тебе это? – пожал плечами Дмитрий.

Варя вздохнула (эту историю она тоже никогда никому не рассказывала – слишком болезненные, страшные воспоминания) и начала:

– Дело в том, что в подростковом возрасте я пережила страшную трагедию...

Но рассказать историю не получилось, потому что Дмитрий прервал ее:

– Извини, я не хотел бы сейчас слушать про твои детские воспоминания. Сейчас ты должна думать о другом. О нас с тобой. О нашем будущем.

– Мое будущее в этом препарате, – тихо сказала Варя. – И будущее многих людей.

– Варька, ты – дура, – Дмитрий усмехнулся, – ну что ты, всю жизнь хочешь прожить в этой хибаре?

Варя обвела взглядом свою скромную квартиру: шкаф, под завязку набитый книгами, портрет Бутлерова на одной стене и Менделеева на другой, на окне ее любимые суккуленты – а что Диме здесь не нравится?

– Да мы вообще отсюда уедем, – искушал сладкий обольститель Дима, – заработаем и свалим отсюда куда-нибудь на острова. Пальмы, лето круглый год, роскошное бунгало, ночи любви, ну?

Варя отказалась. Да, отказалась. И вместо роскошного бунгало очутилась в морге, о чем уже упоминалось. И возвращаться в морг ей никак не хотелось. По крайней мере, в ближайшем будущем.

И вот теперь она здесь, в этом странном доме, где в воздухе словно витают разряды напряжения. Варю вдруг осенило: а что, если это друзья Дмитрия из криминального мира привезли ее сюда, чтобы добиться от нее согласия участвовать в их аферах?! И тут же отчаянно решила, что откажется от криминала, даже если это будет стоить ей жизни. Она никогда не будет участвовать в наркобизнесе.

Оказавшись здесь, в этой огромной, мрачной гостиной, полной незнакомых людей, Варя напряженно ждала развязки и чувствовала себя исключительно неуютно. Она огляделась по сторонам, ища, к кому можно обратиться. Высокомерная девушка в брючном костюме, высокий парень с глазами, как угли, – смотрит, будто просвечивает рентгеном, шутник в нелепых шортах и сланцах, словно он только что сбежал с пляжа или из дурдома, полная рыжая девушка в полосатых штанах, бритоголовый дядька в кожанке – какие-то все странные. Наибольшего доверия, как ей показалось, заслуживал мужчина средних лет: русоволосый, голубоглазый, с таким очень... русским лицом. «Лицом надежного человека», – подумала Варя.

– Простите, не знаю, как вас зовут... – она набралась смелости и обратилась к незнакомцу.

– Иван, – представился он.

Варя спросила, не знает ли он, зачем ее сюда привезли и что с ней будет дальше.

Мужчина пожал плечами:

– Вас – не знаю. А меня, очевидно, за былые грехи.

И в этот миг на лице «надежного человека» вдруг мелькнула такая тень страдания и боли, что Варя в ужасе отшатнулась.

Глава 4

Иван

Иван действительно расценивал происходящее как кару, возмездие, плату по счетам, и, воспринимая случившееся с этой точки зрения, он в принципе был готов ко всему.

...С детства Иван знал о себе, что он – воин. Есть люди, рожденные для того, чтобы лечить, учить, создавать культуру, определять политику, а есть солдаты до мозга костей – люди, которые предназначены для того, чтобы сражаться – воевать и защищать свою страну. Иван и происходил из рода воинов; у каждого из его предков были своя война, свое поле битвы, своя слава и свои примеры доблести. Далекие предки Ивана, по семейным преданиям, сражались со шведами, поляками, турками, французами, прадед воевал на Первой мировой, дед командовал батальоном в Великую Отечественную, отец прошел весь Афганистан – в русской истории много войн, хватило на каждого. Иван родился, чтобы однажды занять место в строю, об этом ему говорили с детства, так его воспитывали и к службе отечеству его готовили. Единственным исключением в роду Ивана являлись его родственники по материнской линии, среди которых встречались священнослужители; но в случае Ивана отцовская линия явно доминировала, и о религии Иван никогда даже не задумывался; лучшая религия – воинский устав.

После суворовского училища Иван окончил военную академию и, как и предполагалось, сделался профессиональным военным. К тридцати трем годам Иван, успевший поучаствовать в нескольких военных операциях, стал воином без страха, упрека и сомнений. Он был доволен и спокоен, как вообще может быть спокоен человек, нашедший свое дело. Кроме того, у него была любимая женщина – Лариса, на которой он собирался жениться. Собственно, та «рабочая командировка» на Ближний Восток случилась как раз перед их свадьбой. «Вернусь, и поженимся!» – твердо сказал Иван невесте и уехал.

...С самого начала там что-то пошло не так. Причем Иван и сам не понимал – что. И зачем они в этой стране – он тоже до конца не понимал. Одно дело воевать за Родину, а тут чужая страна, чужая война. Но Иван, как настоящий воин, старался отсекал подобные мысли: командир дал приказ – выполняй, а смыслы будешь искать на гражданке.

Но потом случился *тот день*.

Еще вчера здесь неспешно текла своя восточная жизнь, лаяли собаки, играли дети, а сегодня от этой крохотной деревушки ничего не осталось. Просто ошибка разведки; по ее сведениям, в этих нескольких домах скрывалась долгожданная добыча – высокопоставленный боевик со своим отрядом. А оказалось, что все там были местные, мирные. Несколько десятков мирных жителей и домов практически мгновенно поглотила воронка смерти.

Иван с товарищами шли по деревне. Вокруг были трупы людей, животных, руины домов – картина разрушения и ада. Увидев в одном из разрушенных домов скулящую от боли искалеченную собаку с оторванными лапами, Иван из жалости пристрелил ее. Еще дом – взрослые и детские трупы, кровь, запах смерти и боли. Иван не желал смерти мирных селян, они не были его врагами, они не представляли угрозы для его Родины, наконец, они жили на своей земле, тем не менее он оказался причастен к их убийству. От дома к дому Иван все больше мрачнел – что-то в его программе, хорошо отлаженной за все эти годы и настроенной на военную службу, словно повредилось.

Услышав из-под развалин одного из домов чьи-то стоны, Иван бросился туда и увидел лежащего в крови мальчика. Иван наклонился над ним: жив?! Мальчик открыл глаза, и их взгляды встретились. Взгляд мальчика пробирал до дрожи, до самого нутра – глаза, полные боли и ненависти. Мальчик прохрипел в лицо Ивану несколько слов и, захлебываясь кровью, умер. Иван знал, что на арабском произнесенная мальчиком фраза означала страшное проклятие.

Пошатываясь, Иван вышел из разрушенного дома. Отовсюду ему теперь мерещились стоны, но выживших в этой деревне не оказалось. Деревня догорала. Ее стерли с лица земли, словно ее никогда и не было. Ничего страшного – человечество знает подобные примеры. А в наше время так и вовсе уничтожают сотни подобных безвестных деревень. «Ничего не поделаешь, нельзя приготовить омлет, не разбив яйца, – сказал Ивану его командир, когда отряд вернулся на базу, – пойдй выпей водки и проспись. Завтра вернешься в строй, и все пойдет на лад». Однако Ивану ни водка, ни сон, ни увещания командира не помогли. Он все чаще задавался вопросом: зачем он здесь, ведь это не его война? И когда он спросил об этом командира, тот сказал: «Ты не должен так рассуждать, иначе ты плохой воин, Шевелев».

Тогда Иван впервые в жизни усомнился в том, что он – воин.

Вскоре «военная командировка» закончилась, его отряд вернулся в Москву. Однако странное дело – в Москве ему легче не стало, из головы никак не шли кадры постыдной хроники: горящая деревня, трупы, глаза умирающего мальчика. И ни в чем не было для Ивана ни радости, ни смысла. Даже невеста Лариса заметила произошедшие с ним перемены и сказала, что с ним что-то не так, в нем будто нет жизни. «Словно ты, Ваня, с этой войны не вернулся, а там и остался». Лариса предположила, что его сглазили, навели на него порчу. Иван отмахнулся: «Чушь!» – он в эту бабью дребедень, разумеется, не верил. Но Лариса потребовала, чтобы он пошел с ней к гадалке, мол, та разберется, что с ним случилось, и пригрозила, что, если Иван откажется, бросит его. Пришлось Ивану согласиться – только, чтобы Лариса от него отстала.

Пошли к гадалке. Грузная седая гадалка, похожая на вышедшую в тираж цыганку, помачала перед ним стеклянным шаром, затем изрекла, как приговор: на вас наложено проклятье! Лариса театрально вскрикнула и запричитала: может быть, какая-то ошибка? Гадалка пожала плечами и достала колоду карт Таро. Она раскладывала карты и так и этак, снова перекладывала. Иван равнодушно наблюдал за ее движениями. По итогам сложных манипуляций гадалка вынесла вердикт: жизненная ситуация Ивана соответствует карте «Повешенный». Лариса схватилась за сердце.

Иван усмехнулся:

– Ну и что это значит?

– Что вы есть, но вас как бы и нет, – вздохнула гадалка.

Иван сухо кивнул – в принципе, это было как раз то, что он и сам чувствовал. Он есть, но его как бы и нет, он не вовлечен в реальность, не озабочен ею, грубо говоря, ему на все наплевать. Даже на Ларису.

И когда Лариса, дня через три после визита к гадалке, сообщила ему, что им лучше расстаться, он не стал возражать: ладно, может, и впрямь к лучшему. Спросил только, почему она так решила; не то чтобы этот вопрос его сильно волновал, но все же они долго были вместе, серьезные отношения, планы на будущее, то-се, так что хотелось бы знать.

Лариса смутилась:

– Ну понимаешь, у тебя такая карта...

Он понимал. Действительно, зачем ей терять время с человеком, которого «как бы нет»? Все – извини, спасибо и прощай.

На следующий день он подал рапорт об увольнении из армии. Его командир, кажется, даже обрадовался такому повороту – после той командировки на Ивана в отряде смотрели косо, мол, пришибленный, стукнутый головой. Одним словом, повешенный. Пропавший без вести на той войне.

Иван зажил гражданской жизнью, но веревка на шее не ослабевала. Он нанялся в телохранители к одному олигарху, но вскоре уволился и перебивался случайными заработками. Время шло, а в его жизни ничего не менялось, словно он действительно был «повешенным».

Иногда ему даже хотелось, чтобы случилось нечто, что оборвало бы то странное, неприятное состояние, в котором он существовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.